

Фото из архива автора

Евгения Смагина

На перекрёстке дней

Подборка сегодняшней гостьи «Строф» завершается лиричным, философским и очень цельным этюдом об одиноком костре на кромке земли. Пути Господни неисповедимы: приехав к Евгении в гости и заговорив о её поэзии, я узнал, что первая и последние строфы этой вещи написались когда-то на Валдайских озёрах, а вот середина — долго не складывалась. И только спустя годы, когда филолог-библеист Евгения Смагина шла по Святой Земле — от одного отделения университета к другому, — нужные строчки наконец-то пришли к ней...

В самом начале нового века, она, выпускница факультета классической филологии МГУ, видный переводчик древней литературы (в том числе книг Ветхого Завета), — дала интервью о своей работе. В какой-то момент зашел разговор и о стихописательстве.

Евгения Борисовна нашла чудесное, близкое и моему пониманию определение.

«Владимир Набоков в моём любимом романе “Дар” очень хорошо описал процесс стихотворчества: “...пульсирующий туман, который вдруг говорил человеческими голосами, и из них нужно было отыскать единственно правильный”. Когда пишешь стихи, чувствуешь себя не музыкантом, а инструментом, на котором кто-то играет. Всегда ощущается некий “небесный прообраз” стихотворения, и пишущий старается, насколько возможно, приблизиться к этому прообразу».

Мне важно и дорого, что в нашем разговоре прозвучали имена священников и ученых — отца Валентина Асмуса (с которым Женя одно время училась), покойного ныне Георгия Чистякова. Вспомнили, конечно, и Сергея Сергеевича Аверинцева. Евгения рассказала и о травматизме отрыва православия от гуманитарной науки в советские годы, и о древнейшей из раннехристианских литератур — коптской, о многом и многом своём.

Думаю, читатели журнала отметили лекции Евгении Смагиной в недавнем проекте «Академия “Фомы”» (academy.foma.ru/tag/evgeniya-smagina).

На обложке её поэтической книги «Ученые записки» (М., 2013) — уходящий вдаль, классический московский бульвар. На самом первом плане — раскрытая Библия.

Ну конечно, на древнем языке. **ф.**

Павел Крючков,

заместитель главного редактора журнала «Новый мир»

Иллюстрация **Марии Заикиной**

Библиотечный сонет

На перекрёстке дней, в сплетении времён,
в сумятице имён, в разливе книжных полок
ты полон шелеста и вечностью пленён,
сегодняшнего дня затерянный осколок.
Но выгляни в окно — и вот он, тут как тут,
уменьшен высотой, распластан, как на блюде,
непостоянный мир, где плачут и смеются,
любовью тешатся и горю счёт ведут.
Текучая толпа и вечная страница —
одно из них с тобой, другое только мнится,
всяк выбирает сам — смотри, тебе видней.
Потом не пожалей; да будет век твой долгод
в сумятице имён, в разливе книжных полок,
в сплетении времён, на перекрёстке дней.

1978

Зимняя песнь гномов

моей маме

Бела земля, в небесах черно,
И ели в снегах до пят,
И белым мерцанием глядят в окно
То звезды, то снегопад.
И вместо духовных святых высот
Дана нам простая власть —
Чтоб землю лепить, ковать небосвод
И воды речные прясть.

Но кажется, тем и жива земля
В сплетенье древесных жил —
Не схваткой с неведомой силой зла
Загадочных темных сил,
А просто: закрыт ледяным замком
В глухих снегах января,
Сидит Демидург за своим станком,
Живую весну творя.

Я буду чертить и ваять весну,
Ковер травяной плести,
Леса воздвигать — а потом усну,
И будет другой в чести.
А всё, что творило нашей рукой
Бессмертное ремесло,
Получит в наследие род людской,
Познавший добро и зло.

2019

Немного экологии

На улицах серо и зябко,
и дождик сочится с высот.
По Пушкинской площади бабка
пакетик с грибами несёт.

... Во время бесцветное оно
на собственном опыте мы
открыли «закон шампиньона» —
процесс восхождения из тьмы.

По логике вечной природы
вершится «прорыв из-под глыб»:
чем толще и твёрже преграды,
тем больше получится гриб.

И вот он асфальт пробивает —
и вырос, свершился, возник!
Мы знаем, как это бывает,
и знаем не только из книг.

Но чтобы восстать и исполниться,
гигант-переросток впитал
всю скверну и чад мегаполиса,
и газ, и тяжёлый металл.

Не ешьте! Не пейте отвара!
Отравят, задуют тоской
грибочки Страстного бульвара,
исчадья земли городской.

... Железные ритмы грохочут
над толпами, в сводах пустых,
и постмодернисты бормочут
чернухой протравленный стих.

И тьму без надежд, без просвета
малюют всё злей, всё щедрей —
но только ли, только ли это
задумано, создано, спето
на теплой груди площадей?

Где исподволь, не вымогая
ни выгод, ни славы хмельной,
рождается песня другая
и дышит свободой иной.

Поднимется ветром крылатым,
развеет моторный угар —
и винным, сырым, горьковатым
осенней листвы ароматом
Страстной освежится бульвар.

2018

* * *

Из цикла «Rustica»

Одинокий костёр на кромке земли
у озёр, где тонет заря.
А вокруг — никого. Должно быть, зажгли,
а потом позабыли и спать ушли,
и горит он, и светит зря.

Как мы строим усердно, любим, творим,
как слова подбираем, наносим грим
и выходим вещать во тьму.
Каждый мнит себя первым, а не вторым,
позабыв, что прошли Афины и Рим,
так и нам суждено, а мы всё горим —
неизвестно, зачем, кому?

Ты не гасни, гори, я здесь постою,
все ушли, а я постою.
И в огонь посмотрю, и песню спою —
пусть не звучно, зато свою.
И, взлетая, искрясь в небесной дали,
Бога вечных стихий за меня моли,
одинокий костёр на краю земли,
на озёрном, лесном краю.

2004

